

*Посвящается моим
в равной степени замечательным
и надоедливym дочерям.
Люблю вас!*

Пролог

Вторник

Все помнили тот дождь.

Они помнили его, потому что дни выдались знойными. Стояла почти невыносимая жара. Ходить по улицам было слишком тяжело, и дети разъезжали на велосипедах по мерцавшему асфальту, а их смех разносился так, как бывает лишь летом.

Затем небо внезапно потемнело, точно синяк, и раскололось на две половины. Все произошло настолько стремительно, что даже обозреватели погоды были удивлены и только что не извинялись в дневных выпусках. Предполагалось, что буря не затронет восток, сказали они, и уйдет вдоль побережья в Северное море, где закончит свое существование. Однако она устремилась к Норфолку и ударила с такой яростью, что задрожали окна и деревья стали гнуться к земле. Никто без крайней необходимости не выходил на улицу в тот день, и город превратился в галерею призрачных лиц, наблюдавших за ливнем через затуманенные стекла окон.

Все помнили тот дождь. Так говорили свидетели, повторяя это в каждой передаче по телевидению и радио.

«Ей не следовало работать. Мать просто сошла с ума, отпустив дочь на улицу. Сильный дождь, вероятно, смыл девочку в море».

Все помнили дождь, заставивший горожан сидеть дома.

Ни единой души не было на улицах в тот день. Никого, кроме одной бедной девочки.

И мужчины, который ее увел.

* * *

— Мама, пожалуйста!

В одиннадцать лет — точнее, почти в двенадцать — Мейси Мэлоун была слишком взрослой, чтобы топтать ногами, но у нее не осталось других вариантов. Она пыталась доказать свою правоту сотней разных способов, пока мать не заткнула пальцами уши и не принялась кричать «ла-ла-ла!», переступая с ноги на ногу. Мейси попробовала запереться у себя в комнате, но мать обещала отобрать телефон. Тогда Мейси решила использовать свою обычную угрозу: заявила, что уйдет из дома и никогда не вернется. Но мать лишь пожала плечами и ответила, что та блефует, потому что смысл их глупого спора состоял в том, что Мейси *не хотела* выходить на улицу. И куда она убежит? В шкафчик под раковиной? И что еще может сделать, кроме как топтать ногой по потертому ковру в гостиной?

— Мам, посмотри, там льет как из ведра!

Так и было. В один миг солнечная погода сменилась таким сильным ливнем, что река моментально

превратилась в бурный поток и теперь мчалась вниз с горы.

— Мне известно, как выглядит дождь, Мейси, — сказала мать, выходя из крошечной кухни в домашнем халате и пижаме, хотя часы уже показывали полдень. Она держала в руках мятую пачку сигарет «Мейфэр» и неизменную одноразовую зажигалку желтого цвета, которой пользовалась с тех пор, как Мейси себя помнила. — Но я также знаю, что он не может тебе навредить. Если, конечно, ты не гремлиш... — Оглядела Мейси с головы до ног. — Впрочем, вполне возможно, что ты и в самом деле гремлиш. Это объяснило бы многое.

— Мама!..

Мейси хотела бы, чтобы от ее крика рухнул дом, но она знала, что истерики в споре с матерью не помогут. У нее был новенький седьмой «Айфон» — ну, новенький для нее, мать по дешевке купила его на «Фейсбуке» из-за царапины на экране, — и один раз Мейси его лишилась, отказавшись пылесосить квартиру. Она не могла рисковать потерять его снова, в особенности теперь, когда узнала, как установить «Майнкрафт».

— Послушай, я сделаю это завтра, — взмолилась Мейси. — Мистеру Уокеру без разницы, даже когда мы задерживаем доставку.

— Ничего подобного, — заявила мать, прикуривая сигарету. Мейси, мрачно глядя на нее, помахала рукой, чтобы отогнать дым от лица. — К тому же дело не в нем, а в его клиентах. Они рассчитывают получить свои газеты вовремя. Какой смысл в новостях недельной давности? Это уже не новости, а *старости*.

Она рассмеялась собственной шутке, а Мейси в ответ заворчала.

— Это же бесплатная газета, — сказала девочка. — Ее никто не читает.

Мать сделала глубокую затяжку, задержав дым в легких, и повернулась, чтобы выдохнуть его в кухню — единственное место в доме, где ей следовало курить; однако дым все равно распространялся всюду и был таким густым, что у Мейси заболела голова. Все стены давно стали желтыми; быть может, и ее легкие тоже?

— Мейси, что я говорила тебе вчера? — сказала мать с выводившим из равновесия спокойствием.

Девочка пожала плечами, хотя прекрасно все помнила.

— Я сказала, что нельзя откладывать дела на потом, разве не так? Я сказала, что если ты оставишь их на завтра, то будешь потом жалеть. И ведь так и есть: уже четверть четвертого, вторник, и тебя все устраивает. Ты хотела работу и дополнительные деньги. Никто тебя не заставлял, и если ты хочешь уволиться, то можешь позвонить мистеру Уокеру прямо сейчас.

Мейси снова топнула ногой, но единственное, чего ей удалось добиться, — на полном желтом лице матери появилась самодовольная улыбка. Некоторое время девочка размышляла, не поступить ли, как говорит мать: позвонить мистеру Уокеру и сказать, чтобы засунул свою работу туда, где никогда не светит солнце. Но он платил ей три фунта в час, и каждую неделю она получала десятку, благодаря которой покупала все, на что не хватало карманных денег от матери.

Не говоря уже о дополнительных доходах от продажи кое-чего *другого*.

К тому же мама права, это всего лишь дождь.

Мейси вздохнула и посмотрела на дверь.

— Пожалуйста... — попыталась она в последний раз.

И вдруг с удивлением почувствовала, что мама крепко обнимает ее, подняв высоко вверх сигарету, чтобы не попасть дочери в глаз.

— Я горжусь тобой, лентяйка Мейси, — сказала мама. — Ты быстро растешь и стала большой девочкой.

Потом она ее отпустила и шлепнула по заду.

— Давай, сделай работу и забудь о ней. Я поставлю в духовку рыбные палочки, и мы будем есть сэндвичи, когда ты вернешься. Ладно?

Мейси снова тяжело вздохнула.

— Хорошо.

* * *

После первых нескольких секунд на улице она подумала, что все не так уж плохо. Дождь был не слишком холодным; в нем чувствовалось приятное тепло, словно стоишь в душе. И вода била сильно, как в душе, даже сильнее, учитывая известковую корку и слабый напор у них в доме. Как только прошел первый шок от ударов тысяч рассерженных капель по лицу, Мейси почти наслаждалась этими ощущениями.

Дорога по большей части шла под гору, но девочка держала одну руку на тормозе, чтобы колеса не про-

скальзывали. Вода устремлялась в стоки, и вокруг некоторых возникали настоящие водовороты. Всякий раз, когда Мейси проезжала через лужу, на тротуар выплескивались тонны воды, и девочка едва не рассмеелась, представив, как она окатывает воображаемых прохожих — и первой в списке, конечно, значилась ее мать. Сумка с газетами у нее на плече весила черт знает сколько, но Мейси привыкла к ней и осторожно проходила повороты, чтобы не потерять равновесие.

Когда мимо проезжали машины, двигавшиеся словно в съемке рапидом, их фары ярко сияли, хотя была середина дня. Двое водителей помахали ей, другие показывали пальцами и смеялись. Одна пожилая женщина остановила машину, даже опустила стекло и предложила довезти Мейси до дома, но та не ответила; она знала, что нельзя разговаривать с незнакомцами — даже добрыми, одетыми в платья с цветочками. Девочка просто стояла на педалях и ехала вперед, пока не добралась до первого тупика, где ей требовалось сделать остановку.

Там было пусто, словно во время зомби-апокалипсиса, — не такая уж странная мысль, если учесть, что всем, кто здесь жил, давно исполнилось по сто лет, и они двигались будто ожившие мертвецы. Мейси поставила велосипед возле первого бунгало и принялась сражаться с воротами. Затем выскочила под проливной дождь, поскользнулась на булыжном покрытии, налетела на дверь, ударившись костяшками пальцев о дерево, и поднесла руку к губам, морщась от боли. Газета промокла, как только Мейси вытащила ее из

сумки, но девочка успела засунуть слипшиеся листы в упрямый почтовый ящик, заталкивая последний уголок пальцем, пока они не скользнули внутрь.

У нее ушло меньше восьми минут, чтобы покончить с одной стороной улицы, — немногим дольше, чем с другой, потому что в доме номер четыре жила старая злая собака, и Мейси всякий раз боялась, что та откусит ей большой палец. Усевшись на велосипед, она покатила по главной улице и вскоре оказалась в следующем тупике, который почти не отличался от предыдущего. Заметила несколько морщинистых лиц за тюлевыми занавесками и без особого энтузиазма махнула им рукой. Если они и помахали в ответ, Мейси этого не увидела. Дождь заливал глаза, превращая мир в калейдоскоп размытых очертаний и красок.

Она обошла улицу, спряталась на автобусной остановке, убрала с лица мокрые волосы и сдула капли с губ. Ливень стучал своими пальцами по крыше и безжалостно поливал мостовую, заперев Мейси в стеклянной клетке, окруженной падавшей с неба водой. Кое-как вытерев руки, она вытащила из кармана джинсов телефон и почувствовала, как отчаянно забило сердце, когда увидела, что дождь сильно намочил экран. Однако телефон работал и сообщил ей, что прошло полчаса с того момента, как она вышла из дома. И вновь у нее промелькнула мысль: не позвонить ли мистеру Уокеру прямо сейчас, уволиться с дурацкой работы, бросить газеты на остановке и вернуться домой.

Но если она так поступит, то потеряет субботний обход. Обход, который приводил ее на пустошь, где

Мейси делала *настоящие* деньги. Иногда — до двадцати фунтов.

Она тряхнула головой и засунула телефон в непромокаемую сумку для газет, чтобы тот не пострадал. Ей осталось всего три улицы, и она не хотела, чтобы он намок еще сильнее.

Мейси стиснула зубы, вышла под дождь и пересекла пустую улицу; вода доходила ей до щиколоток, заполняя кроссовки. Девочка прошлепала к первому дому с верандой, чувствуя, что ноги стали до смешного тяжелыми, прислонила велосипед к облезлой кирпичной стене и остановилась с газетой в руке на середине дорожки.

Входная дверь была открыта — точнее, широко распахнута. С того места, где стояла, Мейси видела, что вода льется на ковер в коридоре и капли летят на телефонный столик из орехового дерева. Внутри царил жуткая темнота, и когда Мейси посмотрела на два больших темных окна на фасаде — одно, скорее всего, выходило в гостиную, а другое в спальню, — она обратила внимание на то, что шторы плотно закрыты.

Мейси сделала еще пару шагов; газета у нее в руке уже успела намокнуть. В голове что-то щелкнуло — нет, не шум, а скорее *ощущение*, тревога, инстинктивная и очевидная. С домом было что-то *не так*. Мейси смахнула с глаз воду, отметив, что ей больно моргать. Улица у нее за спиной оставалась безмолвной и застывшей, подобно картонному театру. Все казалось нереальным в ярости бури, словно окружавший мир мог сложиться и исчезнуть. Дом чего-то ждал.

«Это всего лишь дом», — сказала себе Мейси, и неприятное чувство тут же исчезло. Она понимала, что еще немного, и газета превратится в кашу, поэтому подбежала к входной двери и бросила ее внутрь, приготовившись так же быстро вернуться на улицу.

Ее остановил голос, доносившийся из дома. Слабый, тонкий и отчаянный.

— Пожалуйста...

Казалось, день наполнил Мейси дождевой водой, а потом заморозил. На одно ужасное мгновение девочка не могла сдвинуться с места, потом сделала шаг назад; кожу у нее покалывало, а на голове она сморщивалась невероятно быстро, и Мейси стала опасаться, что у нее выпадут все волосы.

— Пожалуйста... — повторил голос.

Он был старым... нет, *древним*.

Внезапно даже мысль о том, чтобы уйти, показалась Мейси ужасной. Возможно, кто-то упал и не может встать... Со старыми людьми постоянно такое случается — они падают и что-то себе ломают; об этом девочка узнала, когда вместе с матерью смотрела передачу «Несчастные случаи».

— Хм-м... — сказала она; ее голос прятался где-то в горле. — Привет. Вам нужна помощь? У меня есть телефон.

Мейси потянулась за сумкой, пытаясь его нащупать.

Ответа из дома не последовало — во всяком случае, Мейси ничего не слышала из-за шума дождя. Она подошла к двери, заглянула внутрь — ей совсем не хотелось заходить дальше, чем требовала необхо-